

18+

АНАСТАСИЯ ГРАДЦЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОТПУСК *по ошибке*

Анастасия Градцева

Отпуск по ошибке

<https://litres.ru/74475922>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Что мне сделать, чтобы ты согласился? — спрашиваю я с отчаянием. — Я могу заплатить.

— Да ладно? — Он иронично приподнимает бровь. — Ну давай, плати.

— Потом, — поправляюсь я. — Когда приедем.

— Кредит возьмёшь?

— И возьму! Сколько надо?

— Нисколько. Сдались мне твои копейки.

Парень закусывает нижнюю губу и раздраженно барабанит пальцами по столу. Я жду затаив дыхание.

— Первое правило — во всем меня слушаться, — наконец говорит он. — Делаешь все, что я тебе скажу, поняла, директриса?

В последний день отпуска я осталась без вещей и, что еще хуже, без документов. А через пять дней у меня аттестация на должность директора школы. Я всю жизнь к этому шла!

Мне надо любыми путями преодолеть полторы тысячи километров и оказаться дома. Но единственная возможность сделать это — сесть на мотоцикл к наглому молодому парню, с которым я успела поцапаться на парковке.

Байкер и учительница? Хуже не придумаешь. Мы бесим друг друга одним своим видом.

Но какой у меня выбор?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	18
Глава 4.	23
Глава 5.	29
Глава 6.	34
Глава 7.	39
Глава 8.	45
Глава 9.	52
Глава 10.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анастасия Градцева

Отпуск по ошибке

Глава 1.

Почему семейный пансионат в двух шагах от моря стоит гораздо дешевле, чем все остальные отели рядом с ним?

Теперь я это знаю.

Потому что кровать проваливается, в ванной плесень, горячая вода заканчивается через пять минут, а еще потому, что тут нет лифта, только узкая лестница.

А моя комната, между прочим, на третьем этаже!

Я думала, что прошла все круги ада, когда неделю назад затаскивала туда свой чемодан, но спуститься оказалось еще сложнее. И даже помочь некому — здесь кроме меня или женщины с детьми, или пенсионеры.

Ташу сама. А что еще делать?

Руки ноют, неудобный льняной пиджак липнет к спине, а из-под соломенной шляпы ручьями льется пот. Да, кондиционера тут тоже нет.

Взмокшая, злая, я перевожу дыхание, когда последняя ступенька оказывается позади. Потом поправляю очки, перехватываю поудобнее сумку и иду к дверям. Они тяжелые, основательные, прям как у нас в школе. Толкаю их плечом и

вываливаюсь на улицу с чемоданом и сумкой.

Дурацкая шляпа опять сползла, но я решаю поправить ее позже. Дорогу под ногами я вижу, а остальное не так важно.

Заворачиваю за угол пансионата, и тут мой чемодан цепляется за что-то колесом. Дергаю его изо всех сил.

— Да какого хрена?! — вдруг гаркает кто-то так громко, что я аж подскакиваю на месте.

Оборачиваюсь и вижу мотоцикл, за который я, видимо, и зацепилась чемоданом. Мотоцикл выкрашен в вызывающий ярко-желтый цвет. А рядом стоит парень — тоже очень вызывающего вида.

Я неодобрительно оглядываю его потертые штаны, обтягивающую майку, голые мускулистые руки и сигарету в пальцах. Бровь выбритая, на виске тоже какие-то выбритые полоски. И взгляд такой... неприятный.

Как у того, кто закончил девять классов и не смог поступить даже в ПТУ.

— Молодой человек, — говорю я. — Фильтруйте выражения и не орите так громко. Тут вообще-то дети.

— Какие нахрен дети?

Я поправляю шляпу и оглядываюсь. Ну да, в дальнем углу парковки сидит на сумках Галя, а рядом с ней уткнулся в телефон ее сын. Рослый щекастый Толик.

— Вот! — торжественно говорю я, указывая в их сторону. — Вот дети. А вы...

— Кофе, — перебивает он.

О. Так это такой неандертальский флирт?

Неожиданно.

Смотрю на парня немного другими глазами. Нет, он в каком-то смысле привлекательный... для определенного типа женщин. Но точно не для меня.

Слишком молодой и слишком неотесанный.

Я уже набираю воздуха в легкие, чтобы сказать, что кофе я с ним пить не пойду и вообще мне скоро в аэропорт ехать, но этот парень успевает раньше.

— Ты мне кофе разлила, дамочка, — грубо сообщает он и щелкает зажигалкой. — Извинись хотя бы.

Только тут я замечаю на асфальте коричневую лужу и белый пластиковый стаканчик.

Хотя от жары лицо и так покраснелось, но от неловкости щеки начинают пылать еще сильнее.

Господи, как хорошо, что я не успела ничего ляпнуть.

И вообще, как я могла разлить его напиток, если просто проходила мимо?

Это, наверное, какой-то развод от мошенников.

Сейчас еще деньги начнет с меня требовать.

— Я не трогала ваш кофе, — говорю я.

Парень закуривает и раздраженно смотрит на меня.

— Ты толкнула байк своим чемоданом.

— И что?

— Кофе стояло на нем.

— Во-первых, не стояло, а стоял, — отрезаю я. — Кофе

мужского рода. А во-вторых, вы сами виноваты, что не следили за своим стаканом и поставили его в неудачное место. И, кстати говоря, что вы тут делаете? Здесь нельзя парковать мотоциклы.

— Кто такое сказал?

— Правила, — говорю я. — Это не зона парковки, а тротуар. Парковка дальше.

Парень подносит тлеющую сигарету к губам, делает затяжку и выдыхает терпкий сигаретный дым прямо в мою сторону. Явно нарочно.

Я закашливаюсь.

— Да пошла ты, — лениво сообщает он.

Не успев подумать, я выхватываю сигарету из его пальцев и швыряю на асфальт. Наступаю на нее подошвой балеток и отчеканиваю:

— Курить здесь тоже нельзя. Уезжайте, если не хотите, чтобы я полицию вызвала.

Я привыкла разбираться с наглыми старшеклассниками, привыкла к тому, что под моим строгим взглядом выбрасываются сигареты, прячутся мобильные телефоны и достаются тетрадки. Я не боюсь таких нахалов, я умею с ними управляться.

— Ха, — резко выдыхает этот парень.

Его расслабленное лицо моментально меняется на хищный оскал, а взгляд становится пугающим.

— Полицию, значит? Думаешь, успеют?

По спине пробегает холодок.

Ох черт. Кажется, я перегнула.

У него очень жуткие глаза — слишком светлые на фоне загорелого обветренного лица. И в этих глазах ясно читается угроза.

Я вдруг резко осознаю, что отчитываю не старшеклассника в безопасном школьном коридоре, а какого-то отморозка на полупустой парковке.

И если он меня сейчас пырнет ножом или утащит в кусты, ему никто не сможет помешать. Никто просто не рискнет с таким связываться.

Боже, а я-то зачем к нему полезла? По работе соскучилась?

— Я... Меня будут искать! — отчаянно выпаливаю я. — Я директор школы, понятно?

Строго говоря, еще не директор.

На следующей неделе меня ждет аттестация в управлении образования и только тогда выйдет приказ о назначении, но об этом ведь знаю только я, правда?

— Директор, — для уверенности повторяю я.

Парень вскидывает бровь, в которой выбрита полоска, и оскорбительно ржет.

— Кто? А ну-ка повтори, а то я не расслышал.

— Директор.

— Истеричка в климаксе, которая орет на детей?

— Я не ору на детей!

— Ну да, ты на всех орешь, — фыркает парень, а потом вдруг растягивает губы в неприятной усмешке. — Ну что, директриса, как за кофе будем расплачиваться? Извинений я так и не услышал.

Я упрямо молчу.

Язык не поворачивается извиняться за то, в чем я не виновата.

Он оглядывает меня придирчивым взглядом, и я вдруг словно вижу себя со стороны, целиком. И свою старомодную соломенную шляпу, и строгие очки, и черный льняной костюм, мятый и потный.

«Лен — это статусно», — сказала мама, когда вручила мне этот костюм. — «Ты ведь уже не девочка, Марина».

А шляпу я купила сама, чтобы добавить в свою первую в жизни поездку на море немного легкомыслия, но почему-то не вышло.

Внезапно я чувствую себя жалкой.

За весь отпуск ко мне ни разу не подходили знакомиться. Нет, я бы все равно отказала, потому что курортные романы меня не интересуют, но было бы приятно.

Даже к Гале, которая везде ходила со своим щекастым сыном, подкатывал шашлычник, а ко мне никто. Как будто я невидимка.

Нервно одёргиваю пиджак.

Что от меня надо этому отморозку? Чего он так долго пялится и молчит?

Может, и правда позвать на помощь?

— Знаешь, был бы на твоём месте мужик, — вдруг говорит парень, не сводя с меня своих светлых глаз, — он бы мне уже сейчас бежал кофе покупать и сигареты. Была бы симпатичная девчонка, уже устраивала бы задницу на сиденье байка и готовилась отрабатывать за свою наглость. А с таких истеричных старух, как ты, даже взять нечего.

— Я не... — Замолкаю.

Нет смысла возражать.

Тридцать — это, конечно, не старость, но уже и не молодость точно.

Парень вдруг отворачивается от меня и царственно машет рукой.

— Свободна, директриса. Шуруй, куда шла, и передавай привет пенсионному фонду.

— Хамлю малолетнее, — не удерживаюсь я и сама пугаюсь своих слов.

Да что ж такое!

Моя дурацкая жажда правды опять пересилила инстинкт самосохранения.

— Чего ты там вякнула? — Он резко поворачивает голову.

И тут случается — я даже не могу подобрать другого слова! — настоящее чудо: на парковку заворачивает полицейская машина.

Я резко стартую к ним вместе со своим чемоданом, шляпой и сумкой и стучу им в окно.

Стекло медленно едет вниз.

— Чего надо? — спрашивает меня полицейский. У него широкое красное лицо, и пахнет от него почему-то перегаром.

— Там парень на мотоцикле, — выпаливаю я. — Он мне угрожал!

— Как угрожал?

— Сильно! Еще он в неподобающем месте припарковался!

Полицейский вздыхает и нехотя выкатывается из машины. Вблизи от него пахнет не только перегаром, но и тяжелым потом, и я машинально задерживаю дыхание.

— Молодой человек, — кричит он тому парню. — Документики показываем.

Лицо у мотоциклиста моментально становится таким взбешенным, что я не удерживаюсь от ехидной улыбки.

А потом машу ему рукой. Из вредности.

Правила работают для всех, мальчик.

Даже если ты думаешь, что особенный и тебе все можно.

Глава 2.

Автобус подъезжает к нашей парковке только через час, когда и у меня, и у Гали, и у Толика уже от жары вскипают мозги.

Полиция уехала, наглый мотоциклист умотал следом, показав мне на прощание неприличный жест, и я с облегчением выбрасываю эту ситуацию из головы.

Может, я поступила и не очень красиво, заявив на него, но...

Но он сам виноват.

Здесь действительно запрещено и курение, и стоянка.

— Загружайтесь, блин. Чего стоите? — хрипит водитель, выходя из автобуса и закуривая. — Опаздываем.

— Простите, здесь нельзя курить, — говорю я.

— Пешком сейчас пойдешь, раз такая умная.

Скриплю зубами, но замолкаю.

Пешком я семьдесят километров не осилю.

Складываю свой чемодан в багажное отделение, потом поднимаюсь в сам автобус — там душно, жарко, воняет невымытым телом и чьими-то сладкими духами.

Непроизвольно задерживаю дыхание и прохожу вперед.

Этот автобус собирает отдыхающих по всему побережью, а потом уже везет их в аэропорт. Мы последние перед выездом на трассу, поэтому свободных мест осталось мало.

Я сажусь рядом с бабулей с фиолетовыми волосами. Она сразу же начинает рассказывать что-то про свою неблагодарную дочку, а я прикрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Первую остановку я пропускаю, просыпаюсь только на второй.

Иду стоять длинную очередь в женский туалет, возвращаюсь в автобус и сразу же слышу детский плач.

— Мама, я пить хочу! Хочу сок! — хнычет девочка лет трех-четырех на вид.

— Воду пей, — отзывается ее мама.

— Не хочу-у-у! Она теплая и противная. Хочу сок. Сок холодный.

— Нет у меня денег на твой сок, задрала уже.

— Мам!

— Ты тупая что ли? Сказала же: нет денег.

— Я пить хочу.

— Не ори. А то получишь сейчас.

У меня неприятно сжимается сердце.

Я понимаю, что эта мама устала, понимаю, что цены тут на заправке действительно выше обычного, но ничего не могу с собой поделать.

Ненавижу, когда с детьми грубо разговаривают.

Ненавижу, когда к ним относятся так, как будто они недолюди какие-то.

— Вы там пожестче с моим дебилоидом, Марина Евгеньевна, — сказал мне как-то один папа после родительского

собрания. — Он по-нормальному не понимает.

«А вы пробовали по-нормальному?» — зло подумала я.

Подумала, но не сказала, была еще слишком молодой и осторожной. Сейчас бы уже, конечно, не постеснялась.

Я восемь лет работаю в школе и могу сказать, что самое тяжелое в работе учителя вовсе не дети. Они-то как раз все прекрасно понимают, соблюдают договоренности и хорошо относятся к тебе, если ты их уважаешь. Даже если они творят глупости, это объяснимо: незрелая психика, юный мозг, гормональные изменения.

А вот у родителей, которые ведут себя некрасиво, таких оправданий нет.

Девочка на сиденье за мной начинает тихо плакать, и я не выдерживаю. Мы же еще стоим, я успею быстро купить ей сок.

Тяжелую сумку с южными гостинцами для мамы я оставляю на своем сиденье (бабуля любезно обещает за ней последить), и выскакиваю из автобуса.

— Я через пару минут буду, — говорю я водителю, который курит и смотрит что-то в своем телефоне.

— Ага.

— Подождете?

— Ага.

Очередь у кассы не очень большая, человека четыре. Я беру сразу две упаковки сока, прошу обязательно холодный. Расплачиваюсь картой, которая у меня вложена в чехол вме-

сте с телефоном, и тороплюсь к выходу.

Выхожу на улицу, делаю по инерции пару шагов и застываю, тупо глядя на пустое место на парковке.

Моего автобуса там нет.

Он уехал.

— Нет, господи, — бормочу я отчаянно и прижимаю к груди холодные влажные упаковки сока. — Нет, нет, нет. Такого не может быть.

Срываюсь с места и неуклюже бегу к дороге.

И вот там, в клубах пыли, я успеваю увидеть зад моего автобуса, прежде чем он скрывается за поворотом. Паника стискивает горло, и на секунду я перестаю дышать.

— Тихо, — шепчу я сама себе. — Тихо. Спокойно. Надо просто позвонить и он вернется.

Кому звонить? У меня нет номера этого водителя.

Но у кого-то же он должен быть.

Рассовываю упаковки с соком по карманам, беру мобильный, залезаю в почту, ищу там бронирование пансионата и нахожу их телефон.

Звоню.

Никто не берет.

Еще раз звоню — то же самое.

Хочется орать, причем матом.

— Бл... блин!

Даже сейчас неприличные слова застревают в горле и не выходят наружу. Срабатывает многолетняя привычка себя

контролировать.

Черт, да почему я даже выругаться нормально не могу?!

Меня бы сейчас никто не осудил!

Я стою на обочине с телефоном в руках, с двумя пакетами сока в карманах и с трудом сдерживаю слезы.

Вдруг за моей спиной раздается резкое «БИП!»

Я от неожиданности подпрыгиваю и вижу, как рядом со мной тормозит до ужаса знакомый желтый мотоцикл.

— Работаешь, директриса? — спрашивает насмешливый голос из-под шлема. — В школе по ходу совсем мало платят, раз ты на трассу вышла?

Глава 3.

Я могла бы промолчать, могла бы оскорбить его в ответ, но вместо этого почему-то честно говорю:

— У меня автобус уехал.

— Беда, че. Жди следующий, — хмыкает парень и снимает шлем.

Влажный завиток темных волос падает ему на лоб, и он раздраженно смахивает его рукой в грубой перчатке.

— Следующего не будет, — ровным голосом сообщаю я. — Это был трансфер в аэропорт. А еще он уехал с моими вещами.

— И чем ты его достала, директриса, что он тебя тут кинул? — спрашивает он без всякого сочувствия. — Клевала мозг за неправильную парковку?

— За курение в неположенном месте, — с каменным лицом говорю я.

Парень хохочет, запрокидывая голову. На широкой загорелой шее натягиваются жилы.

— Совсем долбанутая. Ты бы ему еще рассказала, как за дорогой следить.

— Да пошел ты! — неожиданно срываюсь я, и мне на секундочку становится легче.

Как будто расслабляется туго стянутый узел внутри.

— Не психуй, директриса, — снисходительно советует па-

рень. — Ничего страшного не случилось.

— Не случилось?! Мой самолет улетит без меня! В автобусе все мои вещи!

— Считай, что это карма за то, что ты натравила на меня ментов.

— Я не верю в карму и прочий псевдонаучный бред, — цежу я сквозь зубы.

— Это работает вне зависимости от того, веришь ты в это или нет.

— Вы куда-то ехали? — яростно спрашиваю я. — Вот и поезжайте дальше. Мне нужно попасть в аэропорт, а вы мне только мешаете.

— Как планируешь туда попасть?

— Такси вызову.

— Дело твое, но это трасса, — говорит парень со скучающим видом. — До ближайшего города километров сорок. Долго ждать придется. Лучше поймать попутку.

— Спасибо за совет, которого я не просила. — Я резко разворачиваюсь и иду обратно.

Попутку ловить слишком опасно.

Должны быть еще какие-то варианты. Их не может не быть.

— Мне очень нужно в аэропорт! — в отчаянии говорю я девушке на кассе, которая пробивает седому мужику кофе. — Может, вы знаете, как это сделать?

— Не знаю, — равнодушно отвечает она.

— Я могу отвезти. — Мужик растягивает губы в улыбке, и я вижу его желтые неровные зубы. — По цене договоримся. Наличка есть?

— Нет! — торопливо говорю я. — Налички нет и вообще денег нет, извините.

— Можем и без денег. — Он опять улыбается и подмигивает.

— Нет! Нет, спасибо.

Я пулей выскакиваю из магазина и натываюсь взглядом на знакомый желтый мотоцикл возле одной из бензоколонок. Хозяин мотоцикла стоит ко мне спиной, и я невольно оцениваю его вид сзади.

Он хорош, приходится это признать. Широкие плечи, длинные ноги в обтягивающих черных штанах, крепкий... зад.

Я воровато отвожу глаза.

Некрасиво заглядываться на молодого парня, мне уже вообще-то тридцать.

Ладно бы он был умный и воспитанный, а то какое-то хамло трамвайное.

Грубил мне, тыкал, старухой обзывал!

Старухой...

В голове начинает вертеться совершенно сумасшедшая мысль, но чем дольше я ее думаю, тем больше кажется, что это выход.

Словно почувствовав мое присутствие, мотоциклист обо-

рачивается. В его светлых глазах вспыхивает веселье.

— О, директриса! Следишь за мной?

Я набираю воздуха в лёгкие и выпаливаю:

— Отвезите меня в аэропорт!

Такого он точно не ждал.

Темные брови взмывают вверх, а рот забавно и немного по-детски приоткрывается.

— Чего?!

— Пожалуйста, — запоздало добавляю я. Подумав, сообщаю: — Мне жаль, что я пожаловалась на вас полиции, хоть и было за что.

Парень рывком вытаскивает шланг из бензобака, вешает его обратно и делает шаг ко мне.

Непроизвольно хочется отшатнуться от него подальше, но я держусь.

— Пожалуйста, — повторяю я.

— Директриса, ты ебанулась? Почему я?

— Потому что... неважно.

— Скажи почему, — приказывает он низким злым голосом. — Иначе я с места не сдвинусь.

— Потому что вы меня точно не изнасилуете, — скороговоркой сообщаю я. Все лицо заливается удушливой краснотой. — Я для вас старая. А в остальных водителях я не уверена.

Между нами повисает секундное молчание.

— Так. Ну твоя выгода понятна, — говорит он, растягивая

слова. — А мне зачем тебя везти? Я еду в другую сторону.

— Ради хорошей кармы? — робко предполагаю я.

Парень хмыкает.

— Разве что. Денег от тебя бесполезно ждать, как я понимаю.

— Бесполезно, — со вздохом соглашаюсь я. — У меня на карте три тысячи осталось от отпускных. Но я могу вам полторы перевести. Или даже две. Подойдет?

— Оставь себе.

— Еще сок есть, — вдруг вспоминаю я и достаю из кармана пиджака еще холодную упаковку. — Апельсиновый. Хотите?

Глава 4.

— Хочу, — неожиданно соглашается парень и забирает сок. — Апельсиновый вкусный. Вот яблочный полное говно.

— Я больше люблю томатный. Он... Он...

Теряю мысль, пока смотрю, как парень буквально за несколько глотков всасывает в себя сок.

Он с таким наслаждением его пьет, что это выглядит почти неприличным.

Меня во всяком случае это смущает.

— Есть еще один, — говорю я, отводя глаза. — Хотите?

— Еще один апельсиновый?

— Да.

— Нафига ты взяла два апельсиновых, если любишь томатный?

— Это не мне, это ребенку.

Он хмурится.

— У тебя есть ребенок? Он что, в автобусе остался?

— Ох, нет! — Я издаю глупый смешок. — У меня нет детей. Не считая учеников, конечно. Но своих нет. Просто девочка в автобусе просила сок, а мама не хотела покупать, и я...

Я окончательно теряюсь под его пристальным взглядом и замолкаю.

— Ты поэтому автобус проебала? — спрашивает он.

— Извините, а можно без мата?

— Нельзя. Так что?

— Это не ваше дело, — отрезаю я.

Не хочется выставлять себя душой, которая побежала покупать сок чужому ребенку и опоздала на автобус. Даже если я и правда такая дура.

— Ладно, — вдруг сообщает он и с хрустом сжимает в ладони пустую упаковку из-под сока. — Докину тебя до аэропорта, но при одном условии. Оно одинаковое для всех девочек, которых хотят ко мне на заднее сиденье. Ты, конечно, давно не девочка, директриса, но правила есть правила.

Что за правила?

Мне это не нравится. Очень не нравится.

Уж слишком хищная ухмылка появляется на его лице.

— Что я должна сделать?

— Раздеться до пояса. Лифчик можешь оставить.

Кровь бросается мне в лицо.

— Ни за что! — выкрикиваю я и отшатываюсь от этого извращенца. — Не подходи ко мне.

Он смеется низким бархатистым смехом.

— Ты чего там себе придумала, директриса? Твои престарелые тела меня не интересуют.

— Тогда зачем?!

— А сама не догадываешься? Карма и все такое?

Голос парня становится жестким, и у меня все волосы на руках становятся дыбом от какого-то первобытного страха.

— Это за полицию? — сглотнув, спрашиваю я шепотом.

— Сообразительная. Ну так что?

Мне надо в аэропорт. Очень надо.

Под пиджаком у меня тонкая блузка и бюстгальтер. Он строгий и закрытый, никаких кружавчиков. Почти как купальник.

В купальнике же я могу появляться на людях? Значит, чисто теоретически...

Я смотрю на запылившиеся носки своих балеток и негнущимися пальцами начинаю расстегивать верхнюю пуговицу пиджака. Она не поддается.

— Быстрее, а то я тут усну, — подстегивает его издевательский голос.

Я вдруг вспоминаю учительницу химии, которую уволили за то, что у нее в соцсетях было фото в купальнике.

А что если этот мотоциклист меня сейчас сфотографирует? А что если он выложит эти фото в интернет, они дойдут до учеников, до родителей, до управления образования...

— Нет, — слышу я словно со стороны свой голос. — Нет. Я не могу.

— Значит, тебе не надо в аэропорт.

— Мне надо. — Слезы уже подступают к глазам. — Мне очень надо!

— Тогда раздевайся.

— Я не могу! — выкрикиваю я и начинаю плакать.

Слезы льются двумя горячими потоками, остановить их

просто невозможно. Они как стихийное бедствие.

Я отворачиваюсь, пытаюсь вытереть глаза, но очки мешают и приходится их снять. Дужка цепляется за шляпу, и она слетает тоже. Прямо на грязный асфальт, откуда порывом ветра ее сносит в сторону.

Я отрешенно слежу за ней, сжимая очки в руке, а слезы все бегут и бегут.

Мне уже даже не стыдно.

— Блин, ты реवेशь что ли? — Хриплый голос парня раздается совсем рядом. — Да ладно тебе, это же просто приколы.

Я резко разворачиваюсь и впечатываюсь прямо в него.

Он подхватывает меня, не давая упасть. Вглядывается в мое заплаканное лицо и вдруг присвистывает.

— Фига себе. А ты не такая уж и старая. Тебе сколько лет, директриса?

— Тридцать, — гнусаво бормочу я и шмыгаю носом.

— Сожги эту шляпу, ты в ней на все пятьдесят тянешь. Очки у тебя тоже уродские, кстати. И костюмчик чисто бабка стайл. Внешность не твоя сильная сторона, да, директриса?

— Вы тоже не Ален Делон, — огрызаюсь я. — Но я же об этом молчу.

В ответ звучит низкий смех.

Он так близко, что теплое дыхание касается моей кожи, и это вызывает странные ощущения. Как будто щекотка где-то внутри.

— Слушай, а чего ты мне выкаешь? — спрашивает он. —

Я же тебе не говорю «вы», хотя ты так-то постарше меня.

— Потому что я лучше воспитана.

— Ну ты и язва, директриса. Пиджачок точно не будешь снимать?

— Точно.

— Жаль. Я бы глянул. Чисто из любопытства.

— Обойдетесь, — буркаю в ответ.

— Сок остался? — вдруг спрашивает парень.

— Э, да.

— Давай. Зачту как плату. Жди тут, карауль байк. Оплачу бенз, отолью, и поедем.

Я растерянно сжимаю в руке очки. Лицо все еще мокрое от слез, и я вытираю его рукавом пиджака. Лен неприятно жесткий, он царапает кожу, и она сразу начинает гореть.

— Сок, — повторяет парень с требовательной интонацией.

— В кармане, — машинально говорю я.

— Окей.

Он ловко забирается ко мне в карман, и я вздрагиваю от того, что его пальцы почти касаются меня через тонкую ткань. Но это длится меньше секунды.

В следующее мгновение он уже ловко всовывает трубочку в отверстие на упаковке, присасывается к соку и неторопливо идет к заправке.

Я провожаю его взглядом.

— Ужас какой, — бормочу я.

Еще раз вытираю глаза, надеваю очки и от нечего делать рассматриваю мотоцикл, которые мне сказали караулить.

Он не только выкрашен в ярко-желтый, но еще и разрисован языками пламени. Они идут по низу, поэтому создается ощущение, что весь мотоцикл как будто вырастает из огня.

Красиво.

Осторожно провожу рукой по желтому блестящему боку. С опаской трогаю кожаное сиденье.

Я так и не поняла, еду я или нет.

Но как будто еду. И даже одетая.

Уже не так плохо.

Глава 5.

Парень выходит из заправки и идет ко мне с таким ослабленным видом, как будто никуда не спешит.

По спине пробегает неприятный холодок.

А вдруг он вообще передумал ехать?

— Погнали, — небрежно бросает он, подходя ближе, и я еле сдерживаю вздох облегчения.

Он открывает приделанный сзади мотоцикла ящик и достает оттуда шлем. Черный, с какой-то золотой вязью.

— Тебе супер повезло, что у меня есть запасная каска, — сообщает парень и всовывает шлем мне в руки.

Он неожиданно тяжёлый. Неловко верчу его и пытаюсь понять, как надеть.

— Простите, а куда...?

— На голову.

— Это я понимаю. А как?

Парень закатывает глаза, как будто я спросила полную глупость, но забирает у меня шлем.

— Так и быть, покажу. Но очки лучше снять. Они тебе сильно нужны?

— Далеко я без них плохо вижу.

— Максимум, что ты увидишь, пока мы будем ехать, мою спину, — хмыкает он. — А ее и без очков видно. Короче, я их в кофр уберу, не забудь потом взять.

Парень опять открывает свой черный ящик за сиденьем, и я мысленно делаю себе пометку, что это называется кофр.

Не знаю, зачем мне это знание. Видимо, для общего развития.

Снимаю очки и сразу же накатывает ощущение незащитности, особенно когда парень подходит ближе.

Широкоплечий, мощный, с наглым самодовольным лицом.

— Готова, директриса? — насмешливо спрашивает он и зачем-то заправляет мне за ухо выбившуюся прядь волос.

Его руки пахнут бензином, а кожа на пальцах жесткая и горячая.

Какое право он имеет меня трогать? Я разве разрешала? Я...

— Ой, — вскрикиваю я, когда он одним движением надевает на мою голову шлем.

Это странно. Шлем давит на виски и щеки, неприятно тянет волосы, пережимая косу, которую я сегодня заплела высоко на затылке.

— Нормально? — спрашивает парень, оказываясь еще ближе.

Теперь я вижу каждую крапинку на светлой радужке его глаз. Вблизи они оказываются зеленоватыми, как морская вода.

— Тесно, — шепчу я.

— Так и должно быть, — хрипло говорит он. — Сейчас

ремешок затяну, и все.

Пахнувшие бензином пальцы касаются моей шеи, и я вдруг вся покрываюсь мурашками. Как будто на улице не жаркий июль, а какой-нибудь ноябрь.

Те секунды, пока он затягивает этот дурацкий ремешок, кажутся бесконечными. Я краснею (хорошо, что под шлемом этого не видно), у меня крутит живот, прилипает к спине блузка, и я ничего, совершенно ничего не могу сказать.

Я сейчас не думаю ни про автобус, ни про самолет, ни про билеты. Даже про свою будущую должность не думаю.

В голове абсолютный раздрай.

— Все, — резко говорит парень и отходит.

Делаю шумный вдох. Легкие горят, как будто я все это время не дышала.

— Погнали, — бросает он. — А то реально просрем твой самолёт. Даже если я сто сорок втоплю.

— Не надо сто сорок! — пугаюсь я и на негнущихся ногах иду к мотоциклу.

Парень уже сидит впереди и надевает шлем.

— Ну! — торопит он меня.

— Да, да...

Я неловко забираюсь, чуть не падаю, зато обнаруживаю сбоку от сиденья ручки и вцепляюсь в них так, словно от этого зависит моя жизнь.

Хотя почему словно?

Парень оборачивается.

— Обними меня, — приказывает он, из-за шлема его голос звучит глухо.

— Я незнакомец не обнимаю.

— Чтобы ты не свалилась, дурочка.

— Тут есть за что держаться.

— Как знаешь.

Он резко стартует, и я взвизгиваю. Вцепляюсь в эти ручки так, что аж пальцы сводит.

Мамочки, как же страшно!

Ветер раздувает одежду, свистит вокруг шлема, а мотоцикл ревет и тарахтит как бешеный.

Зачем я согласилась ехать на этой адской машине, зачем?

Если я разобьюсь, то должность директора достанется Марии Петровне! А она берет взятки, это все знают!

— Медленнее! — кричу я.

— Что?

— НЕ ГОНИ! — ору я во всю силу легких.

Но он разгоняется еще сильнее, и я забываю, как дышать. Паника разрастается внутри, заполняя каждую клеточку моего тела.

Страшно, страшно, страшно...

Перекресток, мы резко поворачиваем направо, и тут мотоцикл наклоняется! Он просто, черт возьми, наклоняется вместе со мной!

Я верещу от ужаса, и руки сами собой хватаются за впереди сидящего парня. Я обвиваю его, как лиана, я вжимаюсь

в его спину — и это все делает исключительно мое тело, без участия мозга.

Тело хочет выжить. Ему плевать на мои моральные принципы.

Мы несемся дальше, ветер все так же свистит вокруг нас, скорость бешеная, но моя паника куда-то делась. За спиной у этого наглого мальчишки я неожиданно чувствую себя в безопасности. Когда я держусь за него, мне не страшно.

Глава 6.

Мотоцикл резко тормозит.

Меня по инерции впечатывает в спину парня, и поэтому я не сразу слышу его слова.

— Что? — переспрашиваю я.

Из-за шлема приходится говорить громче, и вообще мне кажется, что я за эту поездку немного оглохла.

И поседела.

И лишилась половины нервных клеток, что в моем возрасте уже довольно прискорбно.

Они ведь, как говорят, не восстанавливаются.

Парень поворачивается ко мне и нагло поднимает стекло моего шлема.

— Автобус твой где? — прямо в лицо говорит он.

— А мы уже приехали?

Я верчу головой по сторонам, потому что обзор в шлеме очень маленький. Я как будто в танке.

— Приехали. Это парковка аэропорта. Давай помогу каску снять.

Его руки опять касаются моей потной шеи, что-то делают с ремешком, а потом резко стягивают с меня шлем.

— Ох, — блаженно выдыхаю я.

Я словно на свободу вышла. После духоты шлема просто быть на свежем воздухе ощущается как рай.

— Жива?

— Ага.

— А ты ничего так, директриса. — Парень ухмыляется и уже знакомым мне жестом взъерошивает свои влажные от пота волосы. — Я думал, пересрешься от страха.

— В жизни есть вещи и пострашнее, — вздыхаю я.

— Типа? — Он прищуривается. — Ловить пиздюков с сигаретками за школой?

— Сразу видно, что вы в теме, — не удерживаюсь я от сарказма. — Нет, это как раз не страшно. А вот комиссия из департамента в восемь утра в понедельник!

— Звучит как говно.

— Оно и есть, — соглашаюсь я и тут же вспоминаю, зачем вообще сюда приехала. — О господи, чего я сижу?! Автобус!

Тяжело соскакиваю с мотоцикла и едва не падаю. Глупо взмахиваю руками, удерживая равновесие, и в этот момент вижу бело-синий бок моего автобуса с надписью «Юг.Трэвел». Он стоит на противоположной стороне парковки.

— Спасибо, всего хорошего! — скороговоркой выпаливаю я и бегу к автобусу.

Ноги за время поездки одеревенели, и я чувствую себя уткой, которая переваливается с боку на бок. Волосы растрепались, лезут в лицо, в боку уже колет, но плевать сейчас на все. Мне нужны мои вещи!

Едва не сдохнув, я добегаю до автобуса. Двери закрыты, багажное отделение тоже, но, к счастью, водитель стоит ря-

дом и мусолит во рту незажженную сигарету.

— Вещи! — выдыхаю я сипло и прижимаю руку к колющему боку. — Я хочу забрать свои...вещи...

— Че? Вы кто вообще?

— Я ваша... — Ох, как же тяжело говорить, когда не можешь дышать. — Пасса...Пассажирка. Вы меня... бросили...

— Никого я, бля, не бросал, — сразу набычивается водитель. — Где я бросал?

Я решаю не спорить.

— Вещи мои верните, пожалуйста, — облизнув пересохшие губы, прошу я. — Чемодан черный. И сумку, она в салоне осталась.

— Нет у меня никаких вещей, — злится он. — Кто ты, бля, вообще такая? Вали давай. Ходят тут всякие шмары, вещи им подавай...

Я так теряюсь от этой агрессии, что ничего не могу сказать. Просто стою и хлопаю глазами. От обиды и несправедливости перехватывает горло.

— Пасть свою вонючую захлопни, — вдруг раздается за моей спиной грубый низкий голос.

Очень знакомый.

Я медленно оборачиваюсь и вижу своего мотоциклиста.

Он стоит, сунув ладони в карманы темных пыльных штанов. Распахнутая куртка открывает мощную шею и грудь, плечи расправлены, а рот ощерен в недоброй ухмылке.

Водитель сразу съеживается.

— А че я сказал? Ниче я не сказал.

— Ты, мудила, ее на заправке бросил.

— Так она сама опоздала, я че?

— Через плечо! — рывкает парень. — Вещи отдал ее быстро, а то въебу. А она тебя потом засудит так, что без трусов останешься.

Водитель вжимает голову в плечи.

— Нет у меня вещей, — жалобно говорит он. — Вот те крест, брат. Ничего не осталось. Может, унес кто?

Меня прошибает холодный пот.

— Как не осталось? — шепчу я.

— Все разобрали, все чемоданы, — торопится объяснить водитель. — Я не слежу, я ж не нанимался. Мое дело привезти. По салону потом прошел — пусто.

Парень стискивает своей ладонью мое плечо.

— Не ссы, директриса, сейчас разберемся, — тихо говорит он, а потом повышает голос. — Показывай. И салон, и отсек.

— Покажу, конечно. Все покажу, — суется водитель. — Погодьте, двери открою сейчас.

Мы втроем заходим в автобус. Там все еще душно и противно пахнет.

В салоне пусто, не считая упаковки из-под чипсов и чьей-то резинки для волос.

Я молчу и с силой стискиваю пальцы в кулаки, чтобы хоть

немного удержать себя в реальности. Иначе это все слишком напоминает дурной сон.

Мы выходим на улицу и смотрим багажный отсек. Там пыльно и пусто.

Ни следа моего чемодана.

— Вы не помните, кто его брал? — срывающимся голосом спрашиваю я. — Он такой... такой черный. Просто черный.

Водитель качает головой. В его глазах впервые мелькает сочувствие.

— Я не слежу, — повторяет он. — А чего, там много ценного было? Вы это, владелице нашей позвоните. Может, того, компенсирует что-нибудь.

— Мне надо сейчас. — Я еле держусь, чтобы не заорать. — У меня самолет. У меня...

— Тихо. — На мое плечо опять опускается горячая лапа парня. — Хрен с ними, с вещами, директриса. Потом заявление накатаешь, новых тряпок и трусов себе купишь. Дуй уже на свой самолет.

Мотаю головой. Губы сжимаю так плотно, что аж больно. Почему-то кажется, что если я сейчас раскрою рот, то заплачу.

— Чего нет? — не понимает он.

— Я не могу на самолет, — с трудом выдавливаю я.

— Почему?

— У меня паспорт в сумке. Был.

И вот после этих слов я уже начинаю плакать.

Глава 7.

Мой самолет улетел два часа назад.

За это время я пообщалась, кажется, уже со всеми службами аэропорта и даже посмотрела видеозаписи с парковки. Сначала мне их не хотели показывать, но потом вместе со мной зашел этот мотоциклист, и вопрос сразу решился.

Вид у него такой — решательный.

Жаль, что это все равно не помогло.

— Спасибо, — тускло говорю я, когда мне крутят запись третий раз подряд. — Тут ничего не видно, слишком много народу.

— А я предупреждал, — бурчит себе под нос мужик и промокает рукавом красное, блестящее от пота лицо. Кондиционер тут почему-то не работает. — Хрен там что разберешь. Время только мое зря тратите.

— Зря ты тут штаны просиживаешь, — цедит сквозь зубы парень, который сидит на стуле около меня, широко расставив ноги. Так широко, что его колено касается моего. — Пошли, директриса.

— Сходите в бюро находок, — летит нам в спину от этого мужика.

— Мы там уже были, — говорю я.

— Тогда в полицию идите.

— Только что оттуда, — отвечает парень и от души хло-

пает дверью.

Мы снова оказываемся в коридоре.

Я настолько устала, что даже ничего не чувствую.

Ни злости, ни обиды, ни жалости к себе. А все слезы я выплакала уже в первый час.

— Пожрать надо, — говорит парень. — У меня уже желудок к спине прилип.

— Тут дорого.

— Я угощаю.

— Я не хочу есть.

— А я хочу, — возражает он. — Поэтому идем.

Пожимаю плечами.

Ладно.

Что тут еще скажешь?

Не спрашивая, он заказывает мне то же, что и себе: огромный бургер, картошку, какой-то салат и большой стакан кофе. Кофе я обычно не пью, но сейчас нахожусь в такой прострации, что выпиваю почти весь и даже не замечаю вкуса.

Половина бургера тоже незаметно исчезает.

— Не будешь доедать, директриса? — спрашивает парень, который свой поднос умял уже давно.

— Нет, спасибо. Я наелась.

Парень без всякого стеснения забирает себе мою нетронутую картошку и половину бургера и с удовольствием их съедает. А я почему-то сижу и наблюдаю за тем, как работают его мощные челюсти, как двигается смуглое горло во

время глотка и как он слизывает каплю кетчупа с губы. Есть в этом всем что-то примитивное, животное и в то же время завораживающее.

— Что? — спрашивает он наконец, заметив мой взгляд.

— Ничего. — Я не отвожу глаза.

Парень усмехается и смотрит на меня в упор.

Мы как будто играем в гляделки. Как в детстве, когда проиграет тот, кто первым отвернется.

Лицо заливает жаром, но я не сдаюсь и продолжаю смотреть в его зеленовато-прозрачные глаза. Похоже на море, в которое погружаешься с головой и оказываешься отрезанным от всего мира. Никаких звуков, никаких красок. Только прохладная соленая вода вокруг.

Только этот странный пыливый взгляд.

Внезапно парень чуть подается вперед и шутливо клацает зубами, как будто хочет меня укусить за нос.

— Ай! — Я чуть не сбиваю локтем стакан с кофе. — Ты что делаешь?

— Веселю тебя. — Он лениво ухмыляется. — Испугалась?

— Даже не надейся, — отрезаю я.

Я сама не заметила, когда начала говорить ему «ты». Кажется, это случилось само собой

где-то между бюро находок и отделением полиции.

Интересно, почему этот мальчишка меня не бросил? Вполне мог бы уехать, а не таскаться со мной по этим скуч-

ным кабинетам.

Неужели он имеет на меня какие-то виды? Вдруг я ему... Я тут же одергиваю разыгравшуюся фантазию. Что за глупости?

Я видела себя в зеркале, когда умывалась в туалете: растрепанные волосы, опухшее от слез лицо, а одежда вся пыльная и помятая, как тряпка. Настоящий кошмар.

Замученная тридцатилетняя тетка.

Я и раньше никогда не привлекала мужчин, а уж сейчас тем более. Единственное чувство, которое я могу вызвать, это жалость.

Не удерживаюсь и снова смотрю на мотоциклиста.

Значит, он меня пожалел?

Довольно неожиданный поступок для такого хама и наглеца.

— Ладно, — вдруг говорит он бодро. — Заправились, теперь можно и выдвигаться. Тебя куда подбросить, директриса?

— Меня Марина зовут.

— Рад за тебя, — хмыкает он. — Так что? В город? Тебе вроде туда надо, чтобы паспорт восстановить. Так менты говорили.

— Не менты, а полиция, — машинально поправляю я.

Да, он прав. Мне нужно в подразделение по вопросам миграции МВД, именно там мне могут выдать временное удостоверение личности, по которому я смогу улететь.

Но сегодня пятница. Пока мы туда доедем, уже все закрыется. В выходные я ничего не смогу сделать, только в понедельник, а еще надо будет как-то подтвердить, что я — это действительно я.

Но как? Ведь все мои документы пропали.

Полицейский сказал, что они отправляют запрос и что надо будет подождать, пока придет ответ.

Сколько ждать? День, два, неделю?

Самолет, на который остались билеты, есть только в понедельник днем. Каков шанс, что я на него успею? Нулевой.

А в среду утром я уже должна быть в департаменте.

Мои пальцы нервно стискивают салфетку и рвут ее на мелкие кусочки.

Я не знаю, что делать. Может, достать из кармана телефон, на котором осталось пятнадцать процентов заряда, и позвонить маме?

Но я и так знаю, что от нее услышу.

«А я говорила, что не надо ехать, а я говорила, что ты растяпа и бестолочь, а я говорила, что ты все всегда портишь! У тебя был такой шанс, а ты!..»

— Ау, директриса! — повторяет парень и машет рукой перед моим лицом. — Прием-прием. В город тебя подкинуть или тут останешься?

— Я не знаю, — стараюсь говорить спокойно. — А тебе самому куда?

— В Питер.

— О, ты из Питера сюда приехал?

— Нет. Из Пятигорска.

— А я из Москвы. — Я неловко улыбаюсь, сгребая в кучку бумажные ошметки, в которые превратилась салфетка. — Это ведь тебе по дороге, да?

Его глаза моментально становятся ледяными.

— Нет, директриса. Даже не думай. Я не возьму тебя с собой.

Глава 8.

Внутри меня все обрывается, но я очень стараюсь этого не показывать.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что.

— Это не ответ.

— Я всегда езжу один, — отрезает парень. — Такого ответа тебе хватит, директриса?

Что-то тут не сходится.

— У тебя есть второй шлем, — замечаю я. — И ты сказал, что возишь девочек на заднем сиденье. Получается, врал?

Он хмыкает.

— Ну ты и зануда. Ладно, допустим, девчонки со мной иногда ездят. Красивые, веселые и готовые на все. Но при чем тут ты?

— Я тоже готова на все, — глухо сообщаю я, опустив взгляд в тарелку. — А других кандидатур у тебя сейчас все равно нет, правда?

— Не смей меня, — морщится парень. — Ты разревелась, когда я предложил тебе раздеться. На что ты там, блядь, готова?

— На. Все, — чеканю я и одним движением распахиваю на себе пиджак.

Правда, я забыла, что успела его застегнуть. Плохо при-

шитые пуговицы отрываются и летят во все стороны, словно маленький пластмассовый салют.

Парень присвистывает, наклоняется, поднимает с пола одну пуговицу, крутит ее в пальцах, а потом беззастенчиво пялится на мою тонкую, влажную от пота блузку, под которой угадываются очертания кружевного лифчика.

— Это учительский стриптиз? — спрашивает парень.

— Почему учительский?

— Ты просто распахнула пиджак, но, блядь, с таким видом, как будто трусы передо мной сняла. Это типа так училки раздеваются?

— Остальное сниму, когда возьмёшь меня с собой, — с каменным лицом говорю я.

Он громко хохочет, и мои щеки предательски краснеют.

Боже, что я несу?

Зачем ему моя грудь?

Зачем я сейчасставляю себя какой-то проституткой?

Я до боли закусываю губу. Я знаю, зачем.

Ради того, чтобы стать директором.

Поэтому я просто не могу сейчас сдать. Буду пытаться еще и еще, даже если мне придётся умереть от стыда.

Я не могу упустить свою мечту.

— Слушай, давай я тебе просто дам денег, — вдруг говорит парень. Его голос звучит неожиданно серьезно. — Можешь не отдавать. Возьмешь себе в городе отель, получишь у ментов бумажку, купишь билет и улетишь домой. Поверь,

директриса, тебе оно не надо — ехать со мной.

— Надо.

— Я бухаю, курю, веду себя как скотина, — он перечисляет это с грубоватой усмешкой, — люблю классно потрахаться без обязательств, люблю останавливаться в диких местах и на байкерских тусовках и не люблю, когда мне указывают, как надо жить. Ты выбесишь меня уже через пару километров.

— Но сюда же мы доехали, — возражаю я. — И я тебя вроде бы не бесила.

Против воли вспоминаю, как страшно было на грохочущем мотоцикле, который несся как ненормальный. А еще вспоминаю, как я крепко обнимала этого незнакомого наглого парня и прижималась к его широкой, нагретой солнцем спине.

И это... не было неприятно.

Скорее наоборот.

— Выкладывай, директриса, — вдруг резко говорит парень. — Нахера тебе надо ехать со мной?

— Так проще.

— Пиздеж. Говори правду. Иначе я тебя брошу прямо тут. Я тяжело вздыхаю.

В целом, почему бы и не сказать?

— Мне надо в среду быть в Москве. Если я буду ждать документы, то не успею. В среду утром в управлении образования будет собеседование на должность директора. Меня

предварительно одобрили, но если я не приду, все пропадет. И второго шанса не будет.

— А сейчас ты кто?

— Завуч по воспитательной работе.

— А говорила, что директор.

— Почти. Я просто немного искажила факты.

— Пиздишь как дышишь, значит? — ухмыляется парень, но взгляд у него остается холодным. — А нафига мне вообще тебе помогать? Школа — это полная хрень, где тупые училки самоутверждаются за счет детей, а ими управляют тупые директора. Чем их меньше, тем лучше для всех.

— Не лучше, — возражаю я, с силой стиснув пальцы. — Школа все равно будет, нравится тебе это или нет. Но очень важно, чтобы ею управляли те люди, которые правда этого хотят.

— И ты хочешь? — кривит губы он.

— Это моя мечта, — честно говорю я.

— Ебанутая у тебя мечта. — Парень прищуривается и буквально сканирует меня взглядом. — Как и ты сама, директриса.

Ничего не отвечаю.

Он просто не в состоянии понять, что стать директором — для меня даже больше, чем мечта. Три поколения женщин в нашей семье стремились к этой должности.

Бабушка всю жизнь учила детей и управляла сельской школой, но директором сделали не ее, а пьющего историка.

Потому что управлять должен мужик.

Мама дошла до завуча начальных классов, но декрет выбил ее из колеи. А потом добавились проблемы с коленями, когда она даже по лестнице не могла нормально спуститься, и про работу в школе пришлось забыть. Она все еще занимается с детьми подготовкой к школе, но только у себя дома.

И вот я наконец приблизилась к тому, что ни мама, ни бабушка не смогли. Мою кандидатуру одобрили, и уже с первого августа я могла бы стать директором школы.

Могла бы...

Нет! Все еще могу!

Но для этого надо добраться до дома, а мой единственный способ сделать это — сидит передо мной, похожий на нагло-го молодого волка, и насмешливо скалится.

— Что мне сделать, чтобы ты согласился? — спрашиваю я с отчаянием. — Я могу заплатить.

— Да ладно? — Он иронично приподнимает бровь. — Ну давай, плати.

— Потом, — поправляюсь я. — Когда приедем.

— Кредит возьмёшь?

— И возьму! Сколько надо?

— Нисколько. Сдались мне твои копейки.

Парень закусывает нижнюю губу и раздраженно барабанит пальцами по столу. Секунду, две, три...

Я жду затаив дыхание.

— Первое правило — во всем меня слушаться, — нако-

нец говорит он. — Делаешь все, что я тебе скажу, поняла, директриса?

— Поняла.

— Скажу снять штаны — снимаешь, скажу прыгать в воду — прыгаешь.

— Да.

— Второе правило — не жаловаться и не ныть.

— Не буду.

Парень хмуро смотрит на меня. В зеленоватых глазах ясно читается раздражение.

— Нарушишь правила — высажу в ближайшем городе, — предупреждает он. — Будешь соблюдать, довезу до Москвы.

— Когда? — выдыхаю я.

— Что когда?

— Когда мы туда приедем?

— До среды будешь на месте.

— А точнее? В понедельник? Во вторник?

— До среды, директриса. Я все сказал. Третье правило — никакого контроля с твоей стороны. Я буду ехать там, где хочу, и останавливаться там, где хочу. А ты будешь меня слушаться, как хорошая девочка. — Его голос вдруг становится ниже. — Ты же умеешь быть хорошей девочкой, правда, директриса?

Меня бросает в жар от этих слов.

Под кожей пробегают сладкие щекочущие мурашки, и я киваю, потому что не могу ничего сказать.

— Тогда идем. — Он резко встает из-за стола. — Найдем тебе новую одежду, потому что в этих тряпках ты никуда не поедешь.

Глава 9.

Мотоцикл тормозит у небольшого торгового центра, в котором, судя по вывескам, продается все. От стройматериалов до бальных платьев.

— Шевелись, директриса, — бросает мне парень, стягивая шлем. — Нам еще сто сорок кэмэ сегодня ехать.

— Я быстро, — обещаю я. — Минут пятнадцать, и вернусь. Долго ждать не придется.

— А кто сказал, что я буду ждать? Я с тобой пойду.

— О. — Такого расклада я не ожидала. — А зачем?

— Ну как минимум, чтобы заплатить за шмотки, — хмыкает парень. — Или ты вдруг резко нашла у себя в лифчике банковскую карту?

— Не нашла.

— Тогда вперед. Дел много, времени мало.

Мы заходим в первый магазин, где выставлена одежда, и парень сразу же идет к скучающей тетке-консультанту.

— День добрый. — Он небрежно указывает на меня кивком головы. — Вот на нее плотные джинсы, пару футболок и толстовку на молнии.

— Все верно, только лучше брюки, — максимально вежливо поправляю я. — Я не ношу джинсы.

— Теперь носишь.

— Но...

— Правила, директриса. Уже забыла?

Черт.

Я прикусываю язык и плетусь в кабинку, куда продавец уже притащила гору вещей.

Ворох футболок, кофт и, что самое ужасное, несколько пар джинсов.

Я ненавижу джинсы.

Во-первых, это одежда для рабочих. Мама всегда повторяла, что только человек без вкуса и образования может надеть такое куда-то, кроме дачи и стройки.

А во-вторых...

Я ужасно выгляжу в джинсах.

Однажды, еще в студенческие годы, я все-таки поддалась моде и попыталась втайне от мамы купить себе одни. Узкие, как все носили в то время.

Все закончилось тем, что я просто расплакалась в примерочной. Не могла смотреть на эти тонкие кривые палки, которые были у меня вместо ног.

В юбке их уродство не так бросалось в глаза, в свободных брюках тоже, а джинсы сработали просто как увеличительное стекло.

И сейчас мне снова предстоит этот ужас. Только на этот раз у моего позора будут свидетели.

— Думаю, лучше оставить мои брюки, — говорю я, сделав вид, что смотрю на ценники. — Так будет дешевле.

— Я не бедствую.

— Да, но... — Я отчаянно ищу аргументы. — Но в джинсах будет жарко!

— Не будет.

— В них неудобно.

— Неудобно, когда ноги сидраешь об асфальт до мяса, — отрезает парень. — Если ты свалишься, твоя тряпка, которую ты называешь штанами, ничем тебе не поможет. Джинсы гораздо надежнее.

— Но...

— Директриса. Еще одно слово, и я уезжаю один.

Судя по раздражённому взгляду, он вовсе не шутит.

Молча вползаю в кабинку, задерживаю за собой хлипкую шторку и начинаю переодеваться.

Джинсы так джинсы.

Мне плевать, как я буду сейчас выглядеть.

Мне плевать, что этот малознакомый мальчишка узнает про мои кривые ноги.

Узнает и узнает, что теперь? У меня ведь нет цели ему понравиться.

Нету же, правда?

Почти не глядя натягиваю на себя первые попавшиеся джинсы и белую футболку.

В зеркало не смотрю, тем более оно тут маленькое.

— По размеру вам как, женщина? — спрашивает с той стороны шторки продавщица. — Все подошло?

— Подошло, — мрачно говорю я.

— Брать будете?

— Сначала посмотрим, потом решим, — раздается ленивый голос парня. — Выходи, директриса.

— Нет.

Он хрипло смеется.

— Хочешь, чтобы я к тебе зашел? Давай. Заодно бельишко примеришь. Я тут как раз присмотрел тебе кружевные стринги.

Ах ты, скотина!

Злость и унижение вспыхивают во мне, как зажигательная смесь.

Вылетаю из примерочной, едва не сбив с ног продавщицу, и останавливаюсь перед ухмыляющимся парнем.

— Вот! — рявкаю я, уперев руки в боки. — Смотри. Доволен? Могу трусы еще на голову натянуть! Кружевные! Для полного комплекта.

Парень молчит.

С наглого лица медленно сползает ухмылка, а взгляд его холодных зеленоватых глаз становится... странным.

— Что? — спрашиваю я, когда пауза затягивается.

— Ничего. Классные ножки, директриса.

Он издевается?

Я бросаю взгляд на свои тощие ноги, которые так плотно обтянуты джинсами, что виден каждый их изгиб.

Точно издевается.

А чего я ждала от этого молодого хама? Вежливости и так-

та?

Уверена, он взял меня с собой исключительно для того, чтобы было над кем прикалываться.

Ну и хорошо. Главное, чтобы довез до дома.

Остальное — неважно.

— Поехали уже, — раздраженно бросаю я.

— Трусы себе выбери сначала, — снова ухмыляется парень. — Или помочь?

— Не надо.

— Кстати, хочешь совет? Стринги не бери, между булок будут натирать, когда в седло сядешь.

— Я не ношу стринги! — вспыхиваю я.

— А зря, — низким, пробирающим до мурашек голосом говорит он и скользит по мне взглядом, от которого становится жарко.

В теле зарождается странное томление, которое становится только сильнее, когда я смотрю на широкие плечи этого парня, на вызывающе выбритую бровь и красиво очерченные губы.

Я пялюсь, да.

Но почему-то не могу оторваться.

— Жен... девушка, — вдруг врывается продавщица. — А вам хорошо в этих джинсиках. И футболка села по плечикам. Оставляете?

— Оставляем, — отвечает вместо меня парень и резко отворачивается. — Бери трусы и носки, директриса. Какие са-

ма хочешь. Только в темпе. Нам еще за кроссами надо.

Через полчаса мы снова выезжаем.

На мне новые джинсы, футболка, кроссовки, а еще огромная куртка, которую парень достал из своих кофров.

— Держи, она хорошо от ветра защищает.

Куртка пахнет кожей и машинным маслом, а еще чем-то терпким, но приятным. Вдыхаю этот запах, пока на мне не оказывается шлем, который сразу отсекает все рецепторы.

Мотоцикл ревет, срывается с места, скорость заставляет задохнуться, и я опять вцепляюсь обеими руками в своего водителя.

Страшно. Господи, это же чистое самоубийство вот так ехать.

Но я зажмуриваюсь и терплю. Час. Полтора.

Потом мы останавливаемся на заправке, и я буквально сваливаюсь с мотоцикла. Пытаюсь слезть изящно, но ноги как деревянные, а попу я себе отсидела всю. До самых костей.

— Тяжело? — спрашивает парень.

— Ну так.

— Завтра еще хуже будет, — бесчувственно сообщает он.

— Есть время передумать, директриса.

— Нет, — сквозь зубы говорю я. — Даже не надейся. Кстати, уже темнеет.

— Да, скоро остановимся на ночевку.

От яркого облегчения я едва не плачу.

Можно будет лечь! И вытянуть ноги!

— Здорово, — искренне говорю я. — А где?

— На озере.

— Там какой-то отель? — спрашиваю я без задней мысли.

— Турбаза?

Уголок его рта приподнимается в усмешке.

— Почти. Скоро увидишь.

Глава 10.

Мы съезжаем с трассы, когда сгущаются сумерки.

Едем между виноградниками по тропинке, которую даже дорогой не назвать. Просто сухая каменистая земля.

Меня трясет по этим кочкам так, что я не могу ни на секунду отпустить руки, которыми я держусь за водителя. Иначе просто свалюсь как перезревшее яблоко.

Невыносимо тяжело, мышцы уже ноют, а каждая неровность, на которой меня подбрасывает, отдается болью в ногах и попе.

Я уже даже бояться устала. Я просто хочу, чтобы мы приехали.

Хоть куда-нибудь.

Вокруг уже темным-темно, фонарей нет, и вдруг мотоцикл резко тормозит.

— Что случилось? — испуганно кричу я.

Мы на возвышении, среди кривых сосен, внизу расстилается темное озеро, я вижу какие-то огни на той стороне, но рядом с нами нет ничего и никого.

Похоже на начало какого-нибудь фильма ужасов.

— Мы заблудились? Кончился бензин?

Парень неторопливо снимает свой шлем, а потом беспардонно стягивает с меня мой. Как будто я маленькая.

— Не ори, — говорит он. — Ничего не случилось. При-

ехали.

— Куда мы приехали? Здесь же ничего нет!

— В смысле ничего? Здесь есть озеро. Смотри, какая красота.

— Не вижу никакой красоты, — буркаю я. — Тут темно.

— Воду видно, это главное. — Лицо парня плохо различимо в темноте, но по голосу кажется, что он доволен. — Идешь купаться?

— Нет.

— А что так? — с насмешкой спрашивает он. — Директрисы не потеют и не пылятся в дороге?

— Очень смешно, — сухо говорю я. — Просто я предпочитаю безопасность. Лучше помыться в душе, чем в каком-то неизвестном водоеме.

— Это известный водоем, — возражает парень. — Тут всегда дофига туристов.

— Да ты что? — не удерживаюсь я от сарказма. — И где же все эти люди?

— С другой стороны, где берег облагороженный. Там пляж, кемпинг, кафешки всякие. Но я такое не люблю.

Последнюю фразу он говорит неожиданно искренне, и это вдруг цепляет. Этот парень выглядит как тусовщик и прожигатель жизни, но при этом утверждает, что ему не хочется быть среди толпы.

Разве здесь нет противоречия?

На мгновение мне вдруг хочется залезть в его голову и

понять, что он за человек.

— Ты не любишь людей? — спрашиваю я. — Больше нравится одиночество?

Вопрос получается слишком серьезным для обычного разговора, и я уже жду, что он отшутится в ответ, но почему-то он так не делает.

— Одному лучше. И проще. — Парень делает небольшую паузу, а потом продолжает своим привычным беспечным тоном. — Так что, директриса, пошли к воде?

— Нет, спасибо, я же сказала: я лучше подожду душ.

— А кто тебе обещал душ?

— Ты обещал.

Он смеется низким, удивительно приятным смехом.

— Я такого не говорил.

— Говорил! — восклицаю я, чувствуя себя обманутой. — Ты сказал, что мы будем ночевать на озере!

— И где я соврал? Вот озеро, вот мы, вот ночь. Сейчас помоемся и будем ночевать.

— Прямо здесь?

— Здесь.

— Это что, шутка такая? Где тут спать? На земле?

— Ну да, — говорит он спокойно. — А ты чего ждала? Отель пять звезд?

Осознание реальности доходит до меня медленно. Но все-таки доходит.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

— Ты правда не шутишь? — спрашиваю я жалобным, каким-то блеющим голосом. — То есть никакого душа не будет? И кровати тоже?

— Директриса, я же сразу сказал, что путешествую дикарем и под тебя подстраиваться не буду. — Он раздраженно вздыхает. — Нахрен я вообще в это влез? Так и знал, что ты начнёшь ныть.

— Я не ною, — быстро говорю я. — Все в порядке. Отличная поездка, отличная ночевка, очень красивое место. Я просто немного... растерялась.

— Ты в походы что ли не ходила?

— Нет. Ни разу.

— Скучно живешь, директриса.

— Действительно! — вспыхиваю я. — Стою тут без документов, вещей и денег посреди долбаного нигде и собираюсь спать непонятно с кем! Куда уж скучнее!

— Вау! — присвистывает парень. — Вот это новости! Ты бы хоть предупредила, что планируешь со мной спать, директриса. Я бы презервативов на заправке купил. Тебе с каким вкусом больше нравится: с клубничкой или с арбузом?

Я краснею так быстро и так резко, что от стыда пылает все лицо.

Боже, спасибо, что вокруг темно, и он этого не видит!

— Глупая и совершенно не смешная провокация. Под словом «спать» я имела в виду просто сон. — Я стараюсь говорить спокойно, но мой голос предательски подрагивает.

— Уверена?

От его мурлычущих интонаций жар пробегает по позвоночнику, а в животе начинает сладко и странно тяжелеть.

Мне тридцать лет, и мое тело первый раз в жизни так реагирует на мужчину.

И ладно бы на мужчину — на парня, который младше меня!

Не ожидала от себя такого бесстыдства.

Интересно, а что было бы, если бы я...

Но нет. Даже думать об этом не собираюсь.

Он просто шутит.

— Уверена, — ледяным тоном говорю я.

— Дай знать, если передумаешь.

Я готова поклясться, что он в этот момент мне подмигивает, но темнота скрывает его лицо, и это, наверное, к лучшему.

Мы спускаемся к воде по пологому каменистому откосу.

Ноги ужасно ноют после мотоцикла, поэтому я иду медленно, стараясь не охать от каждого шага. На середине пути спотыкаюсь об какую-то корягу и едва не лечу носом вперед, но меня подхватывает сильная крепкая рука.

— Жива?

— Д-да, — бормочу я.

Он так близко, что я чувствую терпкий соленый запах его пота. Почему-то он кажется мне приятным и совсем не похожим на вонючее амбре от старшеклассников, которые за-

валивались на мой урок после физкультуры.

— Окунешься в воду, легче будет, — говорит парень. — Отвечаю. Давай, тут немного осталось.

Его сильные жесткие пальцы не отпускают мой локоть до самого берега. В том месте, где он меня касается, кожа пылает огнем. Такое чувство, что там потом останется след. Как от ожога.

Когда мы оказываемся у воды, парень скидывает с себя куртку, потом одним движением снимает через голову майку и начинает расстегивать штаны.

Здесь нет затемняющих небо деревьев, и в лунном свете я хорошо вижу его ладное крепкое тело, обнаженное до пояса. Вижу рельефные грудные мышцы, коричневые кружки сосков и темную дорожку от пупка, уходящую за пояс штанов.

Резко отворачиваюсь.

— Что ты делаешь?

— Раздеваюсь. Купаться в одежде как-то тупо, не?

— Но здесь же я!

— И что? — фыркает он. — Ты тоже раздевайся. Нам завтра весь день ехать, и помыться будет больше негде.

— Я не буду перед тобой раздеваться! — с какой-то отчаянной яростью говорю я.

— Купайся в одежде, — беспечно отзывается он. — Но сразу предупреждаю: в мокрых тряпках я тебя в спальник не пущу. Так что выбирай: или голая в озере, или голая в моем спальнике. Мне в целом пофиг.

У меня все внутри обрывается.

— А у тебя разве не два спальных мешка? — шепчу я.

— Я путешествую один, директриса. Зачем мне два спальника?

Я отчаянно мотаю головой.

Это все похоже на дурной сон, который с каждой минутой становится все бредовее и бредовее.

— Не бойся, приставать не буду, — хмыкает парень. — Ты не в моем вкусе.

Раздается звяканье металлической пряжки. Шорох ткани.

Он снял штаны.

Ох господи.

Я ни разу в жизни не видела голого мужчину. Но я не буду смотреть.

Не буду.

Раздается топот босых ног, и я успеваю мазнуть взглядом по широкой обнаженной спине и крепким белым ягодицам, прежде чем парень плюхается в озеро и плывет вперед, к серебристой лунной дорожке.

Потом ныряет, скрываясь под водой, и через несколько секунд выныривает уже ближе к берегу.

— Присоединяйся! — весело кричит он. — Водичка кайф.

Я нервно тереблю край футболки.

Выглядит так, будто я защищаю свою честь, но в глубине души я знаю, что это не так.

Это не нежелание. Это...

Это стыд. И страх.

Я боюсь его насмешливого взгляда, боюсь, что он подумает, увидев мою тощую фигуру, маленькую грудь и тонкие неженственные ноги.

Господи, как это тупо и унижительно — бояться оценки какого-то пацана, который младше меня лет на...

— Сколько тебе лет? — кричу я.

— Что?

— Сколько тебе лет?

Он смешливо фыркает.

— Восемнадцать уже есть, директриса, за совращение малолетних тебя не посадят.

— Сколько? — повторяю я.

Почему-то сейчас это кажется дико важным.

— Двадцать три.

— Ладно.

Я делаю глубокий вдох.

Ночь. Какое-то богом забытое озеро. Кругом ни души, не считая этого мальчишки, которого я абсолютно не интересую.

Так, может, к черту все эти страхи?

— Не смотри, — бросаю я и цепляю непослушными пальцами пуговицу на джинсах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.